

№ 534. — Письмо Адольфу Рейхелю.

Перевод с немецкого.

(15 октября 1849 года). (Кенигштейнская крепость).

Бедный друг, ты не долго был счастлив. Иетта (Первая жена Рейхеля.) умерла. Это известие меня потрясло, так неожиданно оно пришло. Я не стану пытаться утешать тебя; нет утешения для такой потери. Время - глупое утешение. Но ты имеешь сына, которому ты должен быть заодно отцом и матерью: это-живое наследство от нее. Это- еще счастье; ибо счастье-быть необходимым существу, которое любишь. Я тем лучше могу оценить это счастье, что у меня его совсем нет. Твое письмо 1 было для меня в моей пустыне словно каплею живой воды. Благодарю, друг, а впрочем зачем благодарить? Меньшего я от тебя и не ожидал, я ни на одно мгновение не сомневался в твоей преданности и любви. Наша дружба - из таких, которые не могут ни уменьшиться ни увеличиться от времени и обстоятельств и не нуждаются ни в каком испытании.

Что касается меня, то я здоров и спокоен, много занимаюсь математикой, читаю теперь Шекспира и изучаю английский язык² - математика в особенности является очень хорошим средством для абстракций, а ты знаешь, что я всегда имел отменный талант к абстракции; а теперь я волей-неволей очутился в абстрактном положении. С тех пор как меня перевели в Кенигштейн, тот самый Кенигштейн, которым я много лет тому назад так любовался снаружи³, я чувствую себя - конечно, поскольку это возможно в тюрьме, - совсем хорошо. Со мною обращаются здесь чрезвычайно гуманно, а я со своей стороны стараюсь избегать всего, что могло бы послужить поводом к изменению этого-отношения ко мне, и если я не весел, то я также не чувствую себя несчастным и со спокойствием жду будущего, которое мне еще совершенно неизвестно. Это все, друг, что я могу тебе сказать о себе; когда мне плохо, то я вспоминаю мою любимую поговорку: "перед вечностью все ничто", и на этом баста.

Благодарю фрейлейн Эмму за ее поклон; утешительно знать, что ты не совсем вычеркнут из памяти всех друзей. Кланяюсь также ее брату, если ты его увидишь (По-видимому Эмма Гервег и ее брат Густав Зигмунд⁴. А может быть, здесь для конспирации назван братом сам Г. Гервег (т. е. ее муж).)

Пиши мне часто. Ты это сделаешь, друг, я знаю. И сообщи мне, как тебе живется. Находятся ли Рудольф и Клара еще у тебя, или же при тебе только маленький Мориц (Сын Рейхеля от первого брака.)? У тебя ли еще старушка Паулина? Кланяйся ей от меня и скажи ей, что она изумилась бы при виде того, какой порядок царит у меня в моей здешней комнате.

Жив ли еще твой отец? Что делает Матильда (Сестра А. Рейхеля (по мужу Линденберг)), где она, имеешь ли ты сведение о нашей бедной Иоганне (Иоганна Пеокантини.) и о старой матушке Фохт? (Луиза Фохт). Ты можешь себе представить, что у меня теперь больше, чем когда-либо, досуга думать обо всем прошлом, и: что я часто думаю о всех наших милых. Кланяйся всем, кто помнит обо мне. Я скоро напишу тебе.

Твой
М. Бакунин.

15 октября, понедельник. Крепость Кенигштейн.

Что подельывает музыка? Сочинил ли ты что-нибудь новое? Как обстоит дело с обещанною мне симфонией? Бедный друг, теперь тебе снова приходится делать все в одиночестве, Иетты нет, она не может слышать твоих композиций. И все же что значат наши личные страдания в сравнении с тою великою мукою возрождения, которая ныне овладела всем миром! Мы большею частью все еще очень одиноки, но время велико, бесконечно велико, достаточно велико, чтобы самому слабому внушить веру и бодрость.

Будь здоров, старый и дорогой друг! А я возвращаюсь к своей математике.

Знаешь, я часто вспоминаю, как ты раз вечером в Дрездене пел перед моим окном испанскую песню.

Скажи фрейлейн Эмме (Гервег), что я тоже очень часто вспоминаю наши вечера на улице Барбэ-де-Тони.

Комментарий

Но 534. - Письма Бакунина к Адольфу Рейхелю заимствованы нами из трехтомной литографированной биографии Бакунина, написанной Максом Неттлау. Их всего пять и помещены они на стр. 119-123 книги Неттлау. Перевод с немецкого сделан Ф. Д. Капелюшем. Эти письма напечатаны у нас под номерами 534, 537, 538, 543 и 544.

Кроме того М. Неттлау впоследствии напечатал еще отрывки из трех писем Бакунина к сестре Рейхеля Матильде в No 7 зарубежного сборника "На чужой стороне", выходящего в Берлине - Праге под редакцией С. Мельгунова; полностью эти письма находятся в "Дополнении" (Supplement) к упомянутой литографированной биографии Бакунина, написанной М. Неттлау, но так как это "Дополнение" пока никому не доступно, то нам пришлось удовольствоваться теми отрывками-несомненно весьма краткими, - какие были опубликованы до сих пор Максом Неттлау, и при этом пользоваться плохим переводом, напечатанным в белогвардейском журнале, ограничившись исправлением отдельных слов. Эти письма Бакунина к Матильде Рейхель напечатаны у нас под номерами 539, 540 и 545.

Вместе с отрывками из писем к Матильде Рейхель Макс Неттлау опубликовал в той же книжке "На чужой стороне" отрывки из пяти писем Бакунина к Адольфу Рейхелю. Как

сильно по временам Неттлау сокращал эти письма, видно например из того, что из письма от 24 ноября 1849 он приводит всего 6 строк, тогда как в письме этом свыше трех страниц. Однако ничего не подозревавший об этом В. Полонский, не знавший, что письма к Адольфу Рейхелю полностью помещены в литографированной биографии Бакунина еще за 25 лет до того, как отрывки из них были напечатаны в "На чужой стороне", поспешил перепечатать эти скудные отрывки в No 7 редактировавшегося им журнала "Печать и Революция" за 1925г. как нечто совершенно новое и даже выразил в предисловии благодарность Максиму Неттлау за материалы, якобы "любезно предоставленные" ему, В. Полонскому, "д-ром Максимом Неттлау"! Хотя мы еще 1926г. указали Полонскому на его промах в примечании к 2-му изданию тома I нашей книги о Бакунине (стр. 381-382), во втором томе "Материалов для биографии Бакунина", вышедшем в 1933 году и составленном тем же Полонским, помещены те же произвольно выбранные М. Неттлау отрывки (стр. 364 сл.).

Как известно, Бакунин после сдачи Дрездена правительственным войскам выехал вместе с Гейбнером в Фрейберг, тогдашний центр саксонской горной промышленности с многочисленным боевым пролетариатом. Но так как ряд лиц, в том числе Р. Вагнер, советовали избрать центром дальнейшего сопротивления фабричный город Хемниц с многочисленными рабочими, то наши путники решили изменить свой маршрут. Они двинулись в Хемниц в надежде найти там опорный пункт для дальнейшей борьбы. Здесь вопреки совету Борна (Борн (Буттермильх), Стефан (1824-1898)-немецкий политический деятель; будучи мелкобуржуазного происхождения, учился в гимназии, затем стал наборщиком; в 1846 уехал в Париж, здесь познакомился с Энгельсом и вступил в "Союз Коммунистов". С конца 1847 г. жил в Брюсселе, а после мартовской революции 1848 вернулся в Берлин, где стал во главе рабочего движения. В августе-сентябре 1848 созвал съезд, положивший основание "Рабочему Братству", в ЦК которого Борн был избран. С октября 1848 переехал в Лейпциг, где редактировал газету "Братства". Всю эту работу Борн проводил в типично соглашательском, оппортунистическом, мелкобуржуазном духе, мало напоминая бывшего коммуниста. Принял участие в майском восстании в Дрездене и после пленения Гейнце назначен был главнокомандующим революционных сил, которые под его руководством совершили удачное отступление. После этого Борн бежал в Швейцарию и с тех пор уже не принимал участия в политической жизни. В Швейцарии Борн занялся журналистикой и педагогической деятельностью; был профессором по истории литературы. В 1898 г. выпустил "Воспоминания участника 1848 года". ("Erinnerungen eines Achtundvierzigers"). где имеются враждебные выпады против Энгельса, Бакунина и пр.)

путники остановились в гостинице, в ночь с 9 на 10 мая 1849 года были сонные схвачены мещанами, не желавшими подвергнуть свой город опасности военных действий, и на другой день выданы в Альтенбурге прусским военным властям. В опубликованных В. Полонским материалах из Дрезденского архива (сначала в томе 27 "Красного Архива", а затем в томе II "Материалов", стр. 39 сл.) имеются следующие документы, относящиеся к аресту Бакунина: 1) отношение окружного директора фон Бройзема от 10 мая из Лейпцига на имя генерала Шульца, коменданта Дрездена, с сообщением о получении из Альтенбурга телеграммы полковника Блюменталю, что в 10-м часу утра 10 мая 1849 года саксонскими жандармами доставлены из Хемница член Временного правительства Гейбнер, русский Бакунин и двое неизвестных;

2) квитанция о приеме полковником Блюменталем арестованных, гласящая: "Королевский саксонский старший жандарм Вильгельм Людвиг Шютце в сопровождении королевского саксонского жандарма Шене, полицейского служителя Винтера, и доктора Бекера, регистратора Нейберта и надзирателя Гельмута из Хемница сегодня утром в 9,5 часов сдали нижеподписавшемуся следующих арестованных:

1) Оттона Леонгарда Гейбнера, окружного амтмана из Фрейберга, 2. Карла Августа Мартина, придворного почт-секретаря из Дрездена, 3. Михаила Бакунина, не состоящего на службе, из Тверской губернии, 4. Карла Вильгельма Штиблера, седельщика из Радеберга, что сим удостоверяется; 3) список вещей, отобранных у арестованных, причем относительно Бакунина сказано только, что у него отобраны две записки (Записную книжку Бакунин успел уничтожить по дороге.). Кроме того у Бакунина были найдены деньги, а именно 13 талеров, 14 зильбергрошей и 2 пфеннига. По-видимому речь идет о личном обыске, произведенном при аресте. Позже в вещах Бакунина в Дрездене найдено было много бумаг, просмотр которых потребовал довольно большого времени, так что только через 4 месяца российский представитель при саксонском дворе Шредер мог отправить в Петербург копии с части этих документов и выписки из других (эти документы, поскольку они принадлежат Бакунину, использованы нами в третьем томе настоящего издания).

Бакунин был направлен в Дрезден и там 13 мая посажен в тюрьму, расположенную в старом городе (Альтштадт). Здесь он просидел до 24 мая, после чего был переведен в нейштадтскую кавалерийскую казарму, находящуюся в новом городе, где его продержали до 28 августа. С 29 августа 1849 до середины июня 1850 года Бакунин (равно как Гейбнер и Реккель) просидел в крепости Кенигштейн, расположенной над рекой Эльбой выше городка того же имени. Письма к Рейхелям написаны именно из этой крепости.

Австрийский писатель Фердинанд Кюрнбергер (1821-1879), принимавший активное участие в венской революции, затем бежавший в Дрезден и там попавший в ту же тюрьму в старом городе, где ему случайно пришлось встретиться в камере с Бакуниным, рассказал об этой случайной встрече в статье, помещенной в NoNo 406-407 газеты "Северо-германская свободная пресса" от 17 и 18 июля 1850 г. и затем несколько раз перепечатанной (мы заимствуем отрывки этой статьи из статьи Б. Николаевского "Бакунин эпохи его первой эмиграции в воспоминаниях немцев-современников", "Каторга и Ссылка" 1930, No 8,9, стр. 113 сл.). Вот что пишет Кюрнбергер:

"Во время моего заключения в Дрездене в мае месяце я попал на несколько часов в камеру к Бакунину. Шагавшая перед окнами и в коридоре стража нам понятно мешала. Я тогда было вздумал объясняться с ним по латыни, но Бакунин мне тотчас же без всякого смущения заявил: "Не говорите со мной по латыни: я этого языка не знаю. Я его не учил"... В те короткие часы, которые мне посчастливилось провести в тюрьме в его обществе, мы с ним очень скоро сошлись на следующем выводе: немецкие революции до сих пор оканчивались неудачами потому, что четвертое сословие, единственный творческий фактор нашего общества, было соvrащено с пути истинного или предано третьим сословием, буржуазией и доктриной. Разошлись мы с ним только в выводах. Я в моем тогдашнем негодования полагал, что немецкая цивилизация расслабляюще действует на людей, и желал для нашего гамлетовского народа немного той первобытной дикости, которая делает восточные

народы, как например поляков и венгерцев, столь воинственными. Бакунин же стоял на противоположной точке зрения. Так как немец не обладает ни темпераментом западного романца, ни дикостью восточного славянина, то ему, чтобы развить в себе воинственности, не остается ничего иного как до крайних пределов развить ему свойственную доктринерскую особенность: воодушевление идеей. Эта доктрина должна проникнуть в самую глубину пролетариата, не изменяя его характера. Из такого союза силы и познания и должен явиться на свет тот вождь, которого до сих пор так не хватало немецким революционным битвам и который должен сочетать в себе дикий боевой клич пролетария с высоким полетом мыслителя: солдат и полководец в одном лице". И Кюрнбергер прибавляет: "Это краткое резюме нашего тогдашнего разговора можно рассматривать как основу бакунинского кредо и, если угодно, то и как его завещание. Вскоре после этого за ним закрылись тройные ворота Кенигштейна".

Содержание этой беседы подтверждается письмом того же Кюрнбергера к своему приятелю Бодо фон Глюммеру, участнику восстания 1849 года в Саксонии, отбывшему за это каторжные работы; в этом письме, написанном в июне 1850 г. и напечатанном в сборнике писем Кюрнбергера ("Briefe eines politischen Flüchtling", вышел в 1920 г.), о разговоре с Бакуниным сказано: "Мы с Бакуниным, беседуя на темы современности, согласились, что только такие люди (соединяющие в себе активность, твердость воли с критическим пониманием истории и современности.- Ю. С.) освободят мир, и что 1848-й и 1849-й годы погибли потому, что не было ни одного человека, который был бы и величайшим философом духа и подлиннейшим пролетарием. Бакунин был достаточно скромнен, чтобы не считать себя таким человеком, и он был прав. Даже Кошут не был им, хотя ему, может быть, не хватало для этого лишь пустяка". Само собою разумеется, что критиковать эти наивные рассуждения, в которых Кошут выставляется чуть ли не в виде самого выдающегося и крайнего деятеля 1848-49 гг., не приходится. Надо впрочем думать, что в деталях этого рассуждения, в общем и целом отвечающего позиции Бакунина, виноват все-таки преимущественно автор письма.

Некоторые подробности о пребывании Бакунина в саксонских казематах мы узнаем также из воспоминаний А. Реккеля, написавшего книгу "Восстание Саксонии и исправительный дом в Вальдгейме", которая была составлена им по выходе из тюрьмы и нами не раз цитируется в этом томе. Несмотря на разгул реакции, среди простых солдат находились люди, сочувствовавшие заключенным и в деле помощи им не останавливавшиеся даже перед огромным риском. Так во время сидения узников в заключении охранявшие их солдаты помогали им сноситься с волей, доставляли им газеты, письма, письменные принадлежности и т. п. Как рассказывает Реккель (стр. 197), "Бакунин вообще считался самым опасным из всех, ему даже приписывались как бы сверхчеловеческие силы. Прогулка на маленьком дворике, окруженном двумя зданиями и двумя высокими стенами, ему была разрешена только позже по предписанию врача, да и то на прогулку его выводили закованным в цепи, чего не делали ни с кем из остальных. Снимали ли с него цепи по возвращении а камеру, я сейчас не могу припомнить".

Считая, что замок Кенигштейн более приспособлен для строгого содержания арестованных и для полной изоляции их от внешнего мира, власти поспешили перебросить своих пленников туда. Но и там среди гарнизона нашлись элементы, на которые уже успели

повлиять веяния, идущие с воли; там был даже составлен план побега узников, не удавшийся по рассказу Реккеля лишь вследствие простой случайности. Вот что он говорит в своих воспоминаниях. "В Кенигштейн нас перевели в интересах более надежной охраны. Однако опасность и трудность задачи не удержали значительную часть солдат от решения освободить нас. Гейбнер отклонил предложение, я и Бакунин изъявили свою готовность. Все было подготовлено, как в последний день случайность помешала выполнению плана и вдобавок внушила крепостному начальству такое сильное подозрение, что в ту же ночь в наших камерах произведен был обыск... Гарнизон был сменен; приняты были более строгие меры охраны, и здесь по крайней мере попытка больше не повторялась" (стр. 213-214).

Несомненно сочувствие солдат отражало настроение более широких общественных слоев к участникам дрезденского восстания. В цитированной нами выше статье Ф. Кюрнбергера о Бакунине (см. также том III) автор рассказывает о том, что общественное мнение было настроено в Саксонии в пользу подсудимых, и что даже художественный саксонский сейм, созванный после подавления дрезденского восстания, не мог остаться глухим к этому голосу общественного мнения. "Саксонские палаты хлопотали в пользу майских заключенных. Это были те смиренно-демократические камеры, которые были открыты 1 ноября 1849 года и совсем недавно распущены (писано в июле 1850 года. - Ю. С.) ... Эти камеры неоднократно возбуждали вопрос о майских заключенных и принимали всякого рода постановления о них. Их рвение было тепло и похвально, но их мужество мало, их политика и последовательность были подобны блуждающему огоньку. Сначала они приняли предложение об амнистии, затем потребовали суда присяжных, потом заговорили опять об амнистии; без всякого плана и последовательности они просили то о праве, то о милости, нетвердыми руками хватаясь вокруг за воздух, как человек, который с большим страхом, но без какого бы то ни было умения и с еще меньшею уверенностью в себе обороняется от нападения. И все-таки они выявляли настроение, которое существует в стране, отражали общественное правосознание. В то же время "Дрезденская Газета" подошла вплотную к самому вопросу о праве на смертную казнь и доказала из закона о введении в Саксонии основных немецких прав. что право на эту казнь более чем спорно и сомнительно, что оно даже при самом нетребовательном толковании - к сожалению правда нескольких предательских - параграфов является юридической и тем более моральной невозможностью".

В "Деле" Бакунина, хранящемся в саксонском государственном архиве в Дрездене (Akten Amtsgericht Dresden. No 1285e), находятся следующие приметы Бакунина, снятые с него в Кенигштейнской крепости 26 января 1850 года (К. Керстен, цит. соч., стр. 97).

1. Фамилия: Бакунин.
2. Имя: Михаил.
3. Место рождения: Торжок Тверской губернии, Россия.
4. Местожительство: в настоящее время крепость Кенигштейн.
5. Сословие или занятие: литератор.

6. Вероисповедание: греко-кафолическое.
7. Возраст: 35 лет.
8. Рост: 77 1/2 сакс. дюйма.
9. Волосы; темные, курчавые.
10. Лоб: открытый и широкий.
11. Брови: темные.
12. Глаза: сине-серые.
13. Нос: удлинено-пропорциональный.
14. Рот: большой, губы несколько толстые.
15. Борода, усы и бакенбарды: темные.
16. Зубы: целые.
17. Подбородок: круглый.
18. Лицо: продолговатое.
19. Цвет лица: синеватый.
20. Сложение: сильное, огромное.
21. Язык: немецкий, французский, русский.
22. Особые приметы: не имеется.

В этом описании возбуждают сомнение пункты 9, 11 и 15, говорящие о "черных" волосах Бакунина (в подлиннике так и сказано schwarz; мы перевели смягченно "темные"; но ведь известно, что в юности Бакунин был блондином рыжеватого оттенка; когда же это он успел превратиться в брюнета?). Впрочем полицейские приметы никогда особою точностью не отличались. Сомнение возбуждает и синеватый (blau в подлиннике) цвет лица; вероятно здесь это слово употреблено в смысле бледный, землистый. Равным образом странно, как это российский нос "картошкой" Бакунина стал "длинноватым". В остальном приметы совпадают с обычным представлением о Бакунине, как оно создалось в результате описаний его наружности очевидцами.

Адольф Рейхель, который до самой смерти Бакунина сохранил к нему преданную дружбу, внимательно относился к своему приятелю во время сидения последнего в тюрьмах, писал ему и даже помогал материально из своих скудных средств. Во время сидения Бакунина в саксонских тюрьмах, помогали ему также сестра Рейхеля (Матильда Линденберг),

Штальшмидт, А. И. Герцен, Г. Гервег, а также его кэтенские друзья Кеппе, Габихт и пр. Помогал ему и его адвокат Отто, который доставлял ему деньги, сигары, книги и т. д.

1 Это письмо Бакунина является ответом на письмо А. Рейхеля из Парижа от 17 сентября 1849 года. О местопребывании Бакунина Рейхель узнал от адвоката Отто, который написал ему по поручению Бакунина. Рейхель написал Бакунину письмо (оно напечатано у Пфицнера, стр. 221- 222; по-русски в "Материалах для биографии", том II, стр. 369), в котором сообщал ему о смерти своей жены Иетты весной 1849 г. от холеры, старался поддержать в нем бодрость и посылал ему первую помощь в виде 100 франков, обещая посылать и дальше. Бакунин получил это письмо 13 октября, а 15-го уже написал печатаемый здесь ответ. Письмо Рейхеля впервые за все время заключения возбудило в душе Бакунина радостное настроение.

2 В тюрьме Бакунин кроме занятий математикой много читал, преимущественно по политической истории новейшего времени. Так он прочел там "Историю революции 1848 года" Ламартина, "Историю консульства и империи" А. Тьера, сочинения Гизо и пр. Читал он и по беллетристике, как Шекспира, Сервантеса, Виланда и т. д. Книги доставлял ему главным образом его приятель, лейпцигский книгопродавец и издатель Кейль (см. о нем ниже, в комментарии к "Исповеди").

3 В начале 40-х годов, проживая в Дрездене, Бакунин с друзьями (Рейхель, А. Руге и пр.) часто ездил осматривать так наз. "саксонскую Швейцарию", где расположен и Кенигштейн.

4 Вероятно для конспирации Бакунин называет здесь Эмму Гервег "фрейлен" Эммой, так как в то время Гервег был для немецкой полиции слишком одиозной фигурой. Говоря одновременно о ее брате, т. е. он спрашивает: о фрейлен Эмме Зигмунд, ныне мадам Гервег. Густаве Зигмунде, Бакунин определенно намекает, о какой фрейлен Эмме

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 7 декабря 2025 12:43:25

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 7 декабря 2025 12:50:54